

Веб-журнал "Европейская Афиша" N 10 10/10/2011 www.afficha.info

Чехов из Аргентины.

Екатерина Богопольская

В этом сезоне Парижский Осенний фестиваль (15 сентября - 31 декабря), уже давно ставший символом французской столицы как пространства общемировой культуры, празднует свое сорокалетие.

Особое место на юбилейном фестивале займут труппы из Буэнос-Айреса, единственного в мире города-театра. Аргентинская осень в Париже началась с хорошо здесь знакомой труппы Даниэля Веронезе. В 2009 году его чеховский спектакль под загадочным названием «... Espia a una mujer que se mata» (..подглядывает за женщиной, которая кончает с собой), за которым скрывался «Дядя Ваня», побывал в Париже дважды: французская критика встретила спектакль скромной театральной труппы Даниэля Веронезе как откровение. Давно уже кажется чеховская постановка не затрагивала с такой силой, как если бы драмы семьи Войницких были и нашей личной драмой повседневного бытия. Кстати, «Дядя Ваня» был второй частью чеховского диптиха вместе с «Тремя сестрами», названными «Мужчина, который задыхается». Вместе они составляют фразу, взятую у Жака Превера «Мужчина, который задыхается, подглядывает за женщиной, которая кончает с собой». Веронезе объяснял мне, что в этой фразе в конденсированном виде он увидел всю проблематику пьес Чехова, «чеховские персонажи всегда в этой крайней ситуации на грани смерти – от тоски или от любви, но при этом всегда увлечены обманчивой перспективой счастья где-то там, вдалеке. То есть Чехов говорит о самообмане, за которым все персонажи скрываются, чтобы выжить. Это не пессимизм, но скорее общее ощущение жизни, часть жизни - всегда хотеть что-то такое, чего нет». Свою особую любовь к Чехову Веронезе объясняет не только тем, что считает его драматургом на все времена, но и сходством между русскими и аргентинцами: «У каждого аргентинца предки либо испанцы, либо итальянцы, но при этом мы странным образом похожи по характеру на русских, у нас тоже в крови меланхолия и предрасположенность к страданиям. Мы тоже всегда хотим того, чего у нас нет». На этот раз под заглавием «Дети заснули» Веронезе привез «Чайку», составившую теперь уже вместе с двумя предыдущими чеховский триптих. К тому же одна и та же актриса, Мария Фигуэрас, играет и Соню, и Нину Заречную, а Осмар Нюньес – Астров превращается в Тригорина. Пуристы, наверное, упрекнут Веронезе в том, что он опять использует текст пьесы как материал, относясь без всякого пиетета к купюрам и переделкам, перенося действие чеховской драмы в современность, вступая с ней в интертекстуальные игры. Однако, несмотря на все это, аргентинская фантазия на тему «Чайки» не вызывает отторжения, а наоборот завораживает, и прежде всего отчаянной искренностью актерской игры.

Photo Alicia Rojo

Веронезе поместил действие в Аргентину, хотя можно было бы сказать, что действие этой пьесы происходит сегодня и везде. В спектакле нет ничего традиционно русского, всех этих неспешных чаепитий с самоварами, сентиментальностей и психологических подробностей. Нет пауз, лирической атмосферы. Ритм, как в фильмах экшн. Ради этого все действие помещено в единую декорацию гостиной Сорина. Ни колдовского озера, ни парка, ни сцены домашнего театра - все эпизоды в экстерьере полностью выпали. Действие не останавливается, нет деления на акты, только череда сменяющихся сцен. Несмотря на все эти вольности, зрители выходят со спектакля аргентинцев как зачарованные. В первой сцене уютно завернувшись в одеяло спит Сорин, очень толстый неуклюжий добряк, внешне похожий на Евгения Леонова. На другом диване неловко свернувшись калачиком, пристроился молодой человек. Он вскакивает, когда в комнате послышится голос входящей Нины. Это Треплев. Сцены театра нет, о ней мы узнаем из реплик персонажей. Зато продолжена вариация на тему шекспировского «Гамлета», которая присутствует в обмене репликами Треплева и Аркадиной в первом действии чеховской «Чайки»: у Веронезе пьеса Кости становится парафразом «Мышеловки» из «Гамлета», что дает Ирине Николаевне возможность упрекнуть сына – Тригорин не убивал твоего отца, он просто взял его женщину, потому что он - настоящий мужчина, а я все еще не пережила бабью молодость. Нина в этой логике немного Офелия, Тригорин - немного Клавдий. А Треплев, конечно же, новый Гамлет, отчаявшийся исправить безнадежный мир, он предпочитает убить самого себя. Вопрос искусства, старых и новых форм не интересен Веронезе. Скорее из какого ссора, из какой боли рождается искусство. Все сосредоточено на отношениях Тригорин-Ирина Николаевна-Треплев-Нина. В тексте пьесы, переделанной аргентинским режиссером, подчеркивается мысль- Костя принимает себя за Гамлета. Тема искусства, сквозной мотив всех спектаклей Веронезе, здесь находит свое место на через противопоставление Тригорина- Треплева (потому что первый здесь прежде всего удачливый любовник, а второй нелюбимое дитя больше, чем писатель, плохой или хороший даже не важно), а через Аркадину. Ирина Николаевна здесь не провинциальная примадонна, но большая, может быть великая актриса. Во всяком

случае, великая женщина – с каким искусством, ведет Мария Онетто сцену с Тригориным, объясняя ему, что она единственная, способна ценить его, «мой милый, мой чудный», и понять его.

Photo Alicia Rojo

Аркадина-Мария Онетто, Тригорин – Осмар Ньюнцес

И именно в ее уста Веронезе вкладывает своего рода гимн театру, правда поданный в весьма ироничной форме – Ирина Николаевна придумывает будто бы Сорин во сне говорит, а она его слова считывает, и выглядит это примерно так: «Он говорит, что искусство- единственная радость в этом мире, единственная свобода, единственная гармония». Хотя, спектакль Веронезе не про искусство, спектакль - про любовь, или про невозможность взаимной любви. Нина с первого появления писателя смотрит на него откровенно влюбленным взглядом, Тригорин сразу загорается интересом к Нине, и Аркадина не просто догадывается об их взаимной склонности, но видит воочию: тайное послание Нины (если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь..) Тригорин объявляет здесь вслух в присутствии Маши и Аркадиной. А потом и она, и Треплев присутствуют при страстном поцелуе Нины и Тригорина (чеховская ремарка «продолжительный поцелуй» разрастается до страстных латиноамериканских объятий), который Аркадина прерывает, с силой разнимая их.

Самая сущностная переделка касается четвертого акта. Нина появляется в кабинете, где, помимо Кости, находится еще и Маша. Костя ее, естественно, тут же выпроваживает. Но она, конечно же, не может просто так оставить его с соперницей - после реплики Нины «И он здесь» Маша возвращается, прихватив с собой Тригорина. Повод - писатель забыл дома удочки, и просит у Кости одолжить ему. Уходя, Тригорин замечает Нину, но делает вид, что не видит. Что дает ей повод заметить: «Он видел меня, уходя, он заметил меня. Если он будет спрашивать обо мне, ничего не рассказывай. Я люблю его...». Тригорин в спектакле Веронезе мелкий, довольно презренный тип, больше всего обеспокоенный комфортабельностью жизни. Именно поэтому никогда не отклеится от энергичной, сильной Аркадиной.

Веронезе стремительно и отчаянно выводит на сцену многое из того, что осталось у Чехова в подтексте, и вырезает целые эпизоды- время спресованно до полутора часов. Но зрители, как замороженные, следят за сценой – странным образом, чеховские герои оказываются нам близки как некогда. Невозможно забыть финальную сцену - как после ухода Нины Треплев, не зная куда себя деть от отчаяния, начинает

автоматически наводить порядок в гостиной, со старанием поправляет подушки на диване итд. А потом вдруг, как будто явилось ему озарение, стремительно уходит за кулисы - дальше, как сказал бы Гамлет, тишина. Выстрел Кости отдается в Аркадиной моментально, она вдруг начинает слышать музыку, « Вы слышите, музыка...Какая Музыка?...Самая печальная...на свете».

Откуда название? Давно замечено, что места для детей в мире Чехова не предусмотрено- они либо отсутствуют, либо умерли, либо нелюбимы. Костя – прежде всего нелюбимый ребенок. Это становится пронзительно ясно, когда после ухода Аркадиной, Костя- Фернан Мирас по детски спрячется в постели дяди, прижавшись к нему, как ищущий защиты малыш. Треплев прежде всего здесь- нелюбимый, брошенный ребенок, в этом его главная драма. Хватается за Нину, как утопающий за соломинку, но когда и эта иллюзия испаряется, обида так велика, что остается только умереть.

Наша справка.

Даниэль Веронезе родился в 1955 году в Аргентине в семье итальянских эмигрантов. У отца была плотницкая мастерская, и сын должен был наследовать отцовское ремесло. Но когда Веронезе- старший отлучился на некоторое время, оставив юноше предприятие, Даниэль стал вырезать из дерева красивые, но совершенно бесполезные предметы, которые никто не покупал. Мастерская оказалась на грани разорения, а Веронезе- младший так и остался в мире бесполезной красоты. Начинал как актер, также много лет работал в знаменитой аргентинской труппе театра марионеток *Regiférico de Objetos*, которые, кстати, делал сам. В это же время начинает писать пьесы и сам их ставит. Сегодня Веронезе- признанный драматург, автор двадцати пьес, переведенных на несколько европейских языков, и известный режиссер, спектакли которого идут на разных сценах Буэнос-Айреса. Труппа Веронезе обычно играет в маленьком зале альтернативного театра « *d'El camarín de las musas* (Бюро Муз)». Альтернативный здесь означает Художественный, некоммерческий. Чтобы пополнить мизерную государственную дотацию, идущую в основном на содержание и ремонт зала, Веронезе ставит спектакли на коммерческой сцене.